

Елена Михалкова
Кто убийца, миссис Норидж?
М.: АСТ, 2013

Содержание:

- Елена Михалкова. Восемь принципов миссис Норидж (рассказ)
- Елена Михалкова. Роб Хэмиш, трус (рассказ)
- Елена Михалкова. Перчатки Глории Кэдиш (рассказ)
- Елена Михалкова. Призрак поместья Эштонвилл (рассказ)
- Елена Михалкова. Дело о мертвой собаке (рассказ)
- Елена Михалкова. Кто убийца, миссис Норидж? (рассказ)

Елена Михалкова

Перчатки Глории Кэдиш

– Фрэнк, будь любезен, передай соус.

– Пожалуйста, дорогая.

– Благодарю.

Пять минут тишины, прерываемой только позвякиванием ножей и вилок.

– Сюзанна, как твой французский?

– Миссис Норидж говорит, я делаю успехи.

– Это правда, миссис Норидж?

– Да, миссис Бенсон. Сюзанна очень старается.

– Рада это слышать.

Художник, решивший запечатлеть семейство Бенсонов за воскресным завтраком, несомненно, использовал бы для портрета нежнейшие тона, ибо Юджиния Бенсон была очаровательной женщиной со светлыми волосами и большими глазами эмалевой голубизны. Дочь походила на нее как две капли воды. Облик Фрэнка Бенсона пристрастный зритель мог бы назвать грубоватым, но художник слегка польстил бы заказчику, выписав шею мистера Бенсона чуть менее мясистой, лоб чуть менее низким, а глаза чуть более выразительными.

А сухопарую гувернантку в черном платье, сидящую чуть поодаль, художник не стал бы включать в свой портрет, чтобы она не портила цветовую палитру картины.

Вилки серебряно звенят, чашки легонько постукивают о тончайшие блюдца – чудесная мелодия летнего завтрака, дополняемая шелестом листьев, журчанием фонтана и стрекотом кузнечиков из приоткрытого окна.

Тем ужаснее был звук, нарушивший эту идиллию.

– А-а-а-а!

Громкий вопль ужаса донесся до них откуда-то сверху. Юджиния Бенсон выронила вилку и взглянула на мужа.

– Это еще что за... – начал Фрэнк, поднимаясь.

– Милдред кричала! – воскликнула Сюзанна. – Из комнаты старухи!

Супруги Бенсон уставились друг на друга.

– О! Но в таком случае, полагаю, причина очевидна... – медленно начала Юджиния.

Дверь распахнулась, и перепуганная служанка бросилась к ним:

– Миссис Бенсон! Леди Глория! Она... Она...

– Неужели скончалась? – с подчеркнутой скорбью в голосе спросила Юджиния.

– О, нет, мэм! Боюсь, она пропала!

Скорбь исчезла с лица Юджинии быстрее, чем облако меняет очертания под дуновением ветра.

– Что?! – визгливо крикнула она. – Пэгги, что ты мелешь? Как она могла пропасть из запертой комнаты?! Это невозможно!

Служанка попятилась.

– Мэм, я не знаю, мэм... Это все Милдред! Я только передаю то, что она сказала.

– Повтори дословно!

– Она сказала, что миссис Кэдиш исчезла.

Отрывок из письма миссис Норидж Тимоти Кэдишу:

«...Глубокоуважаемый сэр, последние два месяца я выполняла обязанности гувернантки в доме Фрэнка и Юджинии Бенсон, на попечение которых вы оставили свою мать. За этот короткий срок я стала свидетельницей обстоятельств, которые вынуждают меня обратиться к вам.

Для вас, несомненно, не является тайной, что душевное здоровье леди Кэдиш сильно пошатнулось после кончины ее супруга и вашего отъезда. Но, возможно, вас не известили о том, что за прошедший год она дважды пыталась свести счеты с жизнью.

К сожалению, болезнь в последнее время усугубилась, и тому есть несколько причин...»

Милдред не плакала, а лишь часто-часто моргала, и по ее круглому глуповатому лицу расплзались красные пятна.

– Миссис Бенсон, я не могу понять, как это получилось. Я вошла, а ее нет. Окно распахнуто, но решетка на месте, а в комнате пусто.

– Дверь была заперта?

– Конечно. Я сама и заперла ее час назад. Клянусь вам, мэм, заперла.

Миссис Норидж не сомневалась, что Милдред действительно заперла дверь. Служанка была исполнительна и неподкупна, поэтому Юджиния и приставила ее к леди Кэдиш.

– Она могла выскочить, когда ты вошла в комнату?

– Едва только я вхожу, сразу запираю дверь на ключ изнутри, как вы приказали. После того случая, когда миссис Кэдиш пыталась сбежать, я всегда так делаю, мэм. Мне не нужны неприятности.

– И в этот раз, как только ты вошла, сразу закрыла дверь?

Милдред кивнула, вытаращив глупые глаза.

– А потом обнаружила, что старухи нет в комнате?

Еще один кивок.

– Ничего не понимаю... – прошептала Юджиния. – Как такое возможно?

Из-под кровати, пыхтя, вылез Фрэнк Бенсон. По его красному одутловатому лицу градом катился пот.

– Ее там нет! – рявкнул он. – Что за дьявольские шутки? Куда она делась, черт побери?!

Миссис Норидж понимала его изумление. Обитель Глории Кэдиш представляла собой небольшую прямоугольную комнату, по длинной стороне которой стояли шкаф и кровать, а напротив – кресло и старинный комод. У окна разместился небольшой стол, за которым Глория ела и писала письма. Вернее, всегда почти одно и то же письмо: «Дорогой Тимоти, встретимся с тобой в шесть возле того пруда, где по весне ты промочил ноги». «Дорогой Тимоти, ради тебя я предприму героическое усилие и приду к старому дубу, по которому ты любишь карабкаться, пугая меня до смерти». «Мой милый мальчик, в четыре я жду тебя в саду за беседкой». Менялось лишь место встречи, но адресат всегда оставался неизменным. Леди Кэдиш не смущало ни расстояние, разделяющее их с сыном, ни ответное молчание адресата, ни полная невозможность прийти к назначенному месту встречи.

Глория Кэдиш не выходила из своей комнаты.

Дверь всегда была заперта и открывалась лишь тогда, когда Милдред приносила своей подопечной еду. На окне стояла решетка. В отверстия между толстыми прутьями человек мог разве что просунуть голову, но никак не выбраться целиком. И уж подавно это было не под силу семидесятилетней старухе, равно как и спуститься потом по отвесной стене дома с высоты пятнадцати футов.

В своем роде узилище Глории Кэдиш представляло собой идеальную башню принцессы, спрятанной от дракона во имя ее же собственного блага. Принцесса состарилась, но из башни ее не выпустили.

И вот теперь старуха исчезла.

Милдред утверждала, что подняла тревогу сразу же, как поняла, что в комнате никого нет. Поначалу прибежавшие Фрэнк и Юджиния не сомневались, что Глория прячется. Но платяной

шкаф оказался пуст, под кроватью не нашлось ничего, кроме пыли, да и в крошечной туалетной комнате пропажу не обнаружили.

Это было немыслимо.

Но это было так.

У Глории не имелось денег, чтобы подкупить служанку, а все драгоценности остались на месте. К тому же Милдред, много лет служившая семейству Бенсонов, славилась честностью.

Но если Милдред была всего лишь расстроена, то Фрэнк и Юджиния буквально потеряли дар речи от потрясения.

Втроем они обыскали комнату еще раз. Тюремщик, разыскивающий пропавшего заключенного, не мог быть настойчивее в своих поисках, чем Бенсоны. Матрас был прощупан, платья выкинуты из шкафа, сам шкаф отодвинут – Юджиния предположила, что за ним скрывается потайной ход.

Никакого потайного хода в стене, конечно, не было. Равно как не было его и под паркетным полом, каждую щель которого тщательнейшим образом осмотрели.

В своих поисках Фрэнк Бенсон дошел до того, что задрал голову и оглядел потолок, словно пожилая леди могла повиснуть над их головами подобно летучей мыши.

Глория Кэдиш пропала.

– Не просочилась же она сквозь стены, – ошеломленно пробормотал Фрэнк.

Предположение, что Глория сумела взломать замок и выбраться из комнаты, вдребезги разбивалось о непреложный факт: дверь была заперта перед тем, как Милдред вошла. Это подтвердила вторая служанка, Пэгги: она спускалась по лестнице и ясно видела, как Милдред поворачивает ключ в замочной скважине. Этот ключ она всегда носила на поясе и никому не доверяла.

Юджиния и Фрэнк полагали такую предосторожность излишней: кто бы мог захотеть помочь ненормальной старухе? Человек в своем уме не пошел бы на такой шаг, а все их слуги были людьми крайне рассудительными.

Но факты были непреложны. Глория Кэдиш исчезла из комнаты, запертой снаружи.

Отрывок из письма миссис Норидж Тимоти Кэдишу:

«...взяла бы на себя смелость утверждать, что первая причина – это разлука с вами. Вторая же – это условия, которые обеспечивают ей мистер и миссис Бенсон.

Я предполагаю, что вы могли быть введены в заблуждение касательно содержания вашей матери. Действительное состояние дел таково, что она находится в положении заключенной, лишенной даже прогулок. Миссис Кэдиш заперта в комнате, на окнах которой установлены решетки. Я не могу назвать эту комнату иначе, чем темницей, поскольку она запирается снаружи, так что выйти оттуда нет никакой возможности. Миссис Кэдиш принимает там пищу, и это единственные минуты, когда компанию ей составляет служанка. Все остальное время она проводит одна.

Я пыталась добиться, чтобы мне разрешили хотя бы читать ей, но мистер и миссис Бенсон ответили категорическим отказом...»

Обессилев от бесплодных поисков, Юджиния опустилась на распотрошенную кровать и схватилась за виски. Несколько минут прошли в молчании. Фрэнк все разглядывал потолок, и на его лице было написано глубочайшее недоумение.

– Милдред, распорядись, чтобы ее начали искать, – сказала наконец его жена.

– Предупредить всех слуг, что старая леди сбежала?

– Да. Уму непостижимо, как это могло случиться. Но приходится признать, что Глории здесь нет.

Блуждающий взгляд Фрэнка скользнул по стене и остановился на решетке.

– Окно, – прошептал он. – Оно открыто!

– Да, сэр, но выбраться через него леди Глория не могла, – робко сказала Милдред. – Решетка-то никуда не делась.

– Я уверен, она вынула ее, а затем вставила на место! – прорычал Фрэнк и бросился к окну.

Но сколько он ни тряс решетку, она не поддавалась. Железные прутья были надежно закреплены в каменной стене.

– Позвольте мне, сэръ.

Мистер Бенсон удивленно обернулся. За его спиной стояла миссис Норидж.

Фрэнк с первой минуты знакомства на дух не переносил высокомерную замкнутую гувернантку, расхаживавшую по дому, словно черная ворона. Видал он таких гордячек – в кармане денег кот заплакал, а гонора столько, будто в ее распоряжении вся королевская казна. Да еще и лезет при этом в чужие дела, ни капли не боясь за свой длинный нос.

Но сейчас любая помощь была кстати, и он нехотя посторонился.

Гувернантка не стала тратить время на то, чтобы проверить крепость решеток. Вместо этого она высунулась наружу и внимательно оглядела траву и кусты под окном.

– Миссис Норидж, да ведь не могла леди Кэдиш пробраться через эти дыры, – с некоторым раздражением сказала Милдред. – В них и мальчишка не пролезет.

– Однако ее шляпа и перчатки каким-то образом оказались там, – не оборачиваясь, сообщила гувернантка.

– Что?

– Как?

Юджиния и Фрэнк подбежали к окну и уставились вниз.

– Ее любимые кружевные перчатки, – прошептала миссис Бенсон. – И старая шляпка с цветами. Но почему она их выкинула?

– Потому что она старая помешанная дура! – рявкнул ее супруг. – А что это вы морщитесь, миссис Норидж? Раз троюродный братец Юджинии не постеснялся сбегать нам свою сбрендившую мамашу, то и я могу не смущаться!

Фрэнка Бенсона даже в жар бросило от ярости. Гувернантка не на шутку разозлила его – и своим вызывающе прямым взглядом, который она не отвела, даже когда он начал орать, и поджатыми губами, в изгибе которых явственно читалось презрение.

– Троюродный брат вашей жены, кроме своей матери, сбегал вам, как вы изволили выразиться, мистер Бенсон, также и свое поместье, где мы имеем счастье находиться, – напомнила миссис Норидж отвратительно холодным тоном.

Фрэнк просто из себя выходил, когда она начинала так говорить. Видит бог, если бы не успехи Сюзанны, которая наконец-то перестала корчить из себя тупицу и начала что-то соображать, он давно велел бы этой зазнайке собирать вещи.

Его внимание отвлекла Юджиния.

– Милдред! Принеси перчатки и шляпу, – приказала она.

Когда служанка вернулась, Фрэнк и Юджиния кинулись к находке с такой жадностью в глазах, будто за шелковой лентой на шляпе могла прятаться сама Глория. Миссис Норидж, к их удивлению, не проявила такого интереса. Она склонилась над столом и разглядывала какие-то пятна.

– Скажите, Милдред... – позвала она, – чем занималась леди Кэдиш здесь в последнее время?

– Да как всегда, миссис Норидж, ела и писала.

– И все?

– Н-нет...

Казалось, служанка почувствовала себя неловко. Уловив в ее голосе напряжение, Юджиния оторвалась от созерцания шляпки.

– Милдред! Что ты скрыла от нас?

От ее голоса, резкого, точно звук пистолетного выстрела, большая неуклюжая женщина даже попятилась назад.

– Я вам честно служу, миссис Бенсон, – в страхе пробормотала она. – Могу ошибиться, конечно. Но так, чтобы нарочно что-то плохое сделать, такого никогда не было.

– Отвечай! – потребовала Юджиния, не сводя с нее голубых глаз.

От волнения та начала заикаться.

– Я, миссис Б-бенсон, лоскутки ей п-п-принесла. И к-к-клею.

– Лоскутки и клей? – Юджиния нахмурилась. – Зачем они ей понадобились?

Поняв, что ругать ее не будут, служанка немного успокоилась.

– Она собиралась делать что-то вроде картин, мэм. Из лоскутков. Я решила, что вреда от этого не будет, даже обрадовалась, что она отвлечется от этих своих писем. Простите, что не посоветовалась с вами, миссис Бенсон.

Фрэнк фыркнул:

– Пусть после этого кто-нибудь скажет мне, что она не помешанная! Картины из тряпок? Надо же додуматься!

Миссис Норидж закончила изучение столешницы и перешла к подоконнику. Она буквально обнюхала его, затем провела пальцем по нижней перекладине решетки...

И вдруг застыла.

Отрывок из письма миссис Норидж Тимоти Кэдишу

«...оба они совершенно уверены, что вы никогда не приедете за миссис Кэдиш. Мне крайне неприятно упоминать об этом, но нет никаких сомнений, что основная часть средств, ежемесячно выделяемых вами на обеспечение миссис Кэдиш, расходуется на личные нужды мистера и миссис Бенсон.

Мистер Кэдиш, я не сомневаюсь, что интересы Ост-Индской компании требуют вашего присутствия в Азии. Но если у вас есть хоть малейшая возможность навестить вашу мать и своими глазами убедиться в ее плачевном положении, заклинаю вас, сделайте это. Приезжайте, пока не стало поздно...»

– Что это вы там разглядели? – окликнул Фрэнк, наблюдавший за гувернанткой.

– Вы можете сами взглянуть, мистер Бенсон.

Фрэнк подошел к окну. Ему пришлось очень внимательно приглядеться, чтобы заметить снаружи на решетке несколько светлых ниток. Они держались крепко, как будто их приклеили.

– Что это такое?

Миссис Норидж развела руками.

Он подозрительно взглянул на нее и снова вернулся к решетке. Но сколько Фрэнк ни разглядывал светлые ниточки, бьющиеся на ветру, ясности они не прибавляли.

– Ладно, – в конце концов мрачно сказал он, – как ни крути, клеим железную решетку не растворить.

– Вы совершенно правы, сэр.

И снова ему показалось, что за ее вежливостью таится издевка. Более того, мистера Бенсона грызло смутное подозрение, что, в отличие от него, гувернантка-то понимает про эти чертовы ниточки. Он чувствовал, что она что-то недоговаривает.

И вдруг воскликнул:

– Лоскуты!

Милдред вздрогнула.

– Куда старуха дела лоскуты? – спросил Фрэнк, обводя всех взглядом.

– Боже мой, дорогой, ну при чем тут какие-то тряпки, – с плохо скрываемым раздражением ответила Юджиния. – Не сплела же она из них веревку!

– Определенно, нет, мэм, – заверила миссис Норидж. – Лоскуты там же, где были перчатки – внизу, на траве. Они маленькие, поэтому отсюда их плохо видно.

И снова гувернантка оказалась права. Пять минут спустя тряпичные комочки лежали перед ними на столе. Милдред, принеся их, то бледнела, то краснела и без конца теребила свой фартук.

– Значит, старуха выкинула из окна перчатки, шляпу и лоскуты, – заключил Фрэнк Бенсон. – Должно быть, хотела прыгнуть за ними следом, как тогда с крыши. Что, миссис Норидж, есть у вас объяснение происходящему?

Если этим вопросом он хотел поставить гувернантку на место, ему это не удалось.

– Как минимум два, – невозмутимо ответила та.

– Неужели? И какие же, черт побери? Мы перебрали все версии!

– Во-первых, если бы нашелся человек, который сильно ненавидел миссис Кэдиш – даже сильнее, чем вы, сэр, – то он мог бы убить ее и избавиться от тела с помощью кислоты.

Представим, – продолжала она, – что некий человек вынужден каждый день служить тюремщиком старой женщины, не сделавшей ему ничего дурного.

При этих словах Милдред жалобно заморгала.

– Несчастливая леди сначала просилась к мужу, затем стала звать сына, – сказала миссис Норидж. – Своими жалобами она выводила из себя того, кто охранял ее и не давал выйти из комнаты. Разве есть люди, которых мы ненавидим сильнее, чем тех, кто заставляет нас чувствовать себя подлецами?

Милдред беззвучно шевелила губами, но не могла произнести ни звука.

– Если вообразить, что этот человек, тюремщик, имел возможность найти большое количество кислоты и принести ее в дом, – ровным голосом продолжала миссис Норидж, не глядя на служанку, – то при некотором знании химии и анатомии он мог растворить тело своей жертвы. Здесь есть туалетная комната, так что он мог бы без труда скрыть следы злодеяния.

После ее слов в комнате повисла тишина. Милдред покачнулась и села, и лицо ее было блее простыни.

– Господи, вы же не думаете этого на самом деле, – выдавил наконец Фрэнк. – Кислота, труп... Это смехотворно!

– Что ж, есть и вторая версия, – спокойно сказала миссис Норидж. – Сын считал, что оставил мать в надежных руках. Он понадеялся не на верных слуг, а на небогатых родственников, и совершил страшную ошибку. Верных слуг разогнали в первый же месяц, и леди Глория оказалась пленницей в собственном поместье. Поначалу на нее обращали внимания не больше, чем на дворовую кошку, но когда миссис Кэдиш второй раз поймали на краю крыши, ее тюремщики заволновались. Ведь если бы она погибла, сын перестал бы обеспечивать их. Прощай, просторный дом, прощай, прекрасная жизнь, к которой они настолько привыкли, что уверовали, будто она предназначена для них! Можно было приставить к несчастной одинокой женщине сиделку, нанять служанок, окружить заботой и теплом, как и надеялся ее сын. Но куда практичнее и экономнее им показалось поместить ее в темницу.

– Как вы смеете... – начал Фрэнк Бенсон, наливаясь яростью.

Но миссис Норидж не дала перебить себя.

– Старая леди проводила здесь день за днем, – сказала она, безразлично глядя на него. – Любому, кто интересовался ее судьбой, говорили, что она ненормальная, и вскоре не осталось никого, кто мог бы заступиться за леди Глорию. Последний год она жила лишь одним желанием – увидеть сына. Но ее письма были гласом вопиющего в пустыне, а его ответов она не получала. Когда надежда стала таять, начала таять и миссис Кэдиш. И вот однажды наступил день, когда она просто исчезла, превратившись в бестелесный дух, полный тоски по сыну. Дух покинул темницу, и отныне он не даст покоя никому из вас. О, поверьте мне, эта версия куда более реальна, чем вариант с кислотой, – с едва уловимым сарказмом закончила гвернантка.

Фрэнк и Юджиния вскочили. Поднялась и миссис Норидж, бестрепетно глядя на них.

– Вы!.. – задыхаясь от бешенства, начал Фрэнк. – Вы посмели...

– Уволены! – взвизгнула Юджиния, обретая дар речи. – Немедленно! Чтобы через час ноги вашей здесь не было...

Шум внизу заставил ее замолчать. Сквозь бормотание слуг внезапно прорезался новый голос.

– Юджиния! – громко звал он. – Мама! Где вы?

На лестнице послышались уверенные шаги. Они все приближались, и наконец дверь распахнулась.

На пороге стоял высокий, плечистый, загорелый до черноты мужчина со светлыми волосами и яркими голубыми глазами. Они с Юджинией были бы похожи, если б не его открытый ясный взгляд и твердые, будто резцом выточенные черты.

– Юджиния, Фрэнк! – воскликнул он, широко улыбаясь. – Как я рад! Но, судя по вашим растерянным лицам, я обогнал свое письмо.

– Здравствуй, Тимоти, – растерянно пробормотала миссис Бенсон. – Какое письмо?

– В котором я предупреждал о приезде. Очевидно, оно задержалось в пути.

Он пожал руку Фрэнку Бенсону, который при его появлении будто уменьшился в размерах, и нетерпеливо огляделся.

– Но где же мама? Я хочу скорее увидеть ее.

Перепуганное молчание было ему ответом. Сам дьявол, явись он из-под дубового паркета в дыму и пламени, не мог бы вогнать чету Бенсонов в такое оцепенение.

Тимоти Кэдиш посмотрел на них, и улыбка сползла с его лица.

– Что с мамой? – быстро спросил он. – Господи, Юдж, она... С ней все в порядке? Она нездорова?

– Н-н-нет, – пролепетала Юджиния, отступая назад. – Мы не знаем...

– Чего вы не знаете?

– Черт возьми, – бухнул Фрэнк Бенсон, – мы не знаем, где она! Она пропала!

Тимоти широко раскрыл глаза.

– Что?! Когда?

– Два часа назад! Ее ищут, но поместье большое...

– Постойте, как она могла исчезнуть?! С ней же была сиделка!

Супруги быстро переглянулись, и Юджиния начала, подбирая слова:

– О, дорогой Тимоти, так вышло, что сиделка...

– Никакой сиделки не было, – прервал ее твердый суховатый голос.

Тимоти Кэдиш обернулся к высокой женщине в черном платье.

– Меня зовут Эмма Норидж, я гувернантка, – представилась она. – Вашу мать держали запертой в этой комнате, откуда она сбежала сегодня утром.

Во взгляде эмалево-голубых глаз Юджинии отчетливо читалось, что она с удовольствием задушила бы несносную женщину. Мистер Бенсон выругался себе под нос.

– Из запертой комнаты? – недоверчиво переспросил Тимоти. – Постойте, что вы говорите? Мою мать запирали? Фрэнк, это правда?

– Для ее же пользы, – пробормотал тот, отводя глаза.

– Что?

– Тимоти, ты все не так понял! – умоляюще воскликнула миссис Бенсон. – Мы просто боялись, что она навредит себе.

Кэдиш с минуту стоял, глядя на них с недоумением. Затем, не говоря ни слова, обошел комнату, разглядывая скудную обстановку. С каждым шагом он мрачнел все сильнее. Дойдя до окна и дотронувшись до прутьев решетки, он обернулся.

На лице не осталось и тени той радости, что только что освещала его.

– Юджиния, я каждый месяц присылал тебе сумму, на которую можно было нанять пятерых сиделок. Двое сопровождали бы мою мать на прогулках, двое составляли бы ей компанию днем, и еще одна берегла бы ее сон. Отчего же ты не сделала это? Отчего ни в одном своем письме ты не упомянула, что она содержится взаперти?

– Она легко переносила это...

– Легко переносила? – Тимоти Кэдиш ударил кулаком по столу, и все вздрогнули. – Моя мать была пленницей в собственной комнате, а ты говоришь, что она легко переносила это?! Что за чудовищную ложь вы тут громоздите?

В его глазах мелькнула тень страшного подозрения.

– Мама не отвечала на мои письма, – медленно проговорил он. – Ты писала, что она не желает со мной общаться из-за болезни. Это правда?

– Она стала очень замкнутой, – заверила его побледневшая Юджиния.

– Никого не хотела видеть, – поддакнул ее муж.

– Она писала вам каждый день, сэр, – с горечью сказала миссис Норидж.

– Да замолчите же вы! – не выдержала Юджиния. – Убирайтесь! Убирайтесь прочь из нашего дома!

Тимоти недобро прищурился:

– Из вашего дома? Нет, Юдж, это не твой дом. Не смей никого выгонять отсюда.

– Благодарю вас, сэр, – вежливо сказала миссис Норидж.

Кэдиш обернулся к ней:

– Вы сказали, мама писала каждый день?

– Она назначала вам встречи и ждала, что вы заберете ее.

Он сжал кулаки и застонал.

– О, если бы я знал! Я бы примчался раньше, я бы бросил все, чтоб помочь ей. Простите... Как, вы сказали, ваше имя?

– Миссис Норидж.

– Послушайте, миссис Норидж, вы кажетесь единственным человеком, который знает, что здесь произошло. Вы общались с моей матерью?

– Немного, сэр. Месяц назад я попросила разрешения помогать служанке, Милдред, и ваша сестра дала согласие. Я приносила леди Кэдиш ужин и беседовала с ней по четверти часа, не больше.

Судя по тому, как яростно Юджиния кусала губы, слушая гувернантку, она тысячу раз пожалела о своем опрометчивом решении.

– Я хотела понять, что за опасную сумасшедшую держат взаперти, – продолжала миссис Норидж. – Вы можете представить мое изумление, когда я поняла, что леди Кэдиш безобидна, как дитя.

– Она совершенно безумна! – прошипела Юджиния. – А вы, дорогая, оказываете плохую услугу мистеру Кэдишу, вводя его в заблуждение.

– Это правда? – обратился взволнованный Тимоти к гувернантке.

Миссис Норидж пожала плечами:

– На любые отвлеченные темы, не касавшиеся вас или вашего отца, леди Глория рассуждала вполне разумно. Я бы сказала, она сумела совместить реальный мир и выдуманный, в котором вы остались вместе с ней, а не уехали в Азию. Ваша мать рассказывала, что в детстве вы любили лошадей, и тут же прибавляла, что уж сегодня-то вы обязательно пойдете кататься на пони. Иногда она проявляла удивительную твердость воли и ясность мысли. Скажем, миссис Кэдиш была уверена, что вы не можете попасть в эту комнату, и потому всеми силами пыталась выбраться отсюда. Кто-то мог бы возразить, что это как раз и свидетельствует о помутившемся рассудке. Я же скажу, что для того мира, в котором обитает леди Кэдиш, такая логика была единственно возможной.

– Но вы перестали навещать ее?

– Мне запретили, сэр. Милдред заметила, что наши встречи идут на пользу леди Глории. И немедленно предупредила миссис Бенсон.

– И ты, – с тихой яростью начал Тимоти, повернувшись к Юджинии, – ты лишила мою мать и этой небольшой радости? Ты... ты... – Он в бессильном гневе искал слова и не находил.

Мистер Бенсон почувствовал необходимость вмешаться. Он вышел на середину комнаты и с важным видом открыл рот, собираясь что-то заявить.

Но сделать это ему не позволили. Тимоти Кэдиш бросился на него, схватил за грудки и несколько раз встряхнул, как мешок. Юджиния завизжала.

– Ты, грязная тварь! – прорычал Кэдиш. – Если не хочешь, чтобы я вытряс из тебя дух, говори, мерзавец, где она сейчас! Где?!

– Оставь его! – верещала миссис Бенсон, бегая вокруг. – Оставь!

Но Тимоти Кэдиш не разжимал кулаки.

– С вами я потом разберусь, – бросил он, – сейчас я хочу лишь одного – найти свою мать! Говори же, негодяй!

И он еще раз с такой силой встряхнул Фрэнка, что голова мистера Бенсона провалилась в плечи.

– Мистер Кэдиш, они не знают, – негромко заметила гувернантка. – Поверьте мне, они действительно не могут ответить на ваш вопрос. Им неизвестно, что случилось с леди Глорией.

Тимоти нехотя отпустил Фрэнка, и тот, пошатываясь, отошел и упал на кровать. Юджиния в слезах бросилась к мужу.

– А вам, – спросил Тимоти Кэдиш, пристально глядя на миссис Норидж, – вам известно?

– О, разумеется, сэр, – чуть удивленно отозвалась та.

Фрэнк и Юджиния уставились на нее.

– И что же? Она в самом деле сбежала из закрытой комнаты?

– Леди Кэдиш сбежала, – кивнула миссис Норидж. – Но комната была открыта.

– Неправда! – вскрикнула молчавшая до этого Милдред.

Тимоти Кэдиш взглядом заставил ее замолчать.

– Расскажите же, миссис Норидж, что здесь случилось, – попросил он.

– Мой рассказ будет короток, сэ.р. Ваша мать хотела встретитъ вас в условленном месте, а для этого ей было необходимо покинуть комнату. Каждый раз, открывая дверь снаружи, Милдред входила и сразу же запирала ее. У леди Кэдиш не было возможности отобрать у нее ключ. Я знаю, что однажды она пыталась это сделать, но потерпела поражение. Вы оттолкнули ее, Милдред, и она упала.

– Вы посмели толкнуть мою мать, – пустым голосом произнес Тимоти Кэдиш, глядя на служанку.

Та сглотнула.

– Я... я верно и преданно служу мистеру и миссис Бенсон, – с какой-то отчаянной гордостью прошептала она.

– Верно, – сказала миссис Норидж. – Вот только верность и преданность, Милдред, не искупают бессердечия. Леди Глория поняла, что не сможет отобрать у вас ключ силой, и тогда решила действовать хитростью. Ее план был гениально прост.

– Откуда ты знаешь о ее плане? – не удержался Фрэнк, перестав стонать. – Ты помогла ей сбежать, чертова ворона?

– Заткнись, Фрэнк! – яростно процедил мистер Кэдиш.

Гувернантка пожала плечами:

– Миссис Кэдиш справилась и без меня. Я поняла, что она придумала, когда увидела следы клея на решетке, лоскутки, перчатки и шляпку.

– Вы смеетесь над нами? – пробормотала Юджиния.

Миссис Норидж взглянула на них с легким сожалением.

– Леди Кэдиш не собиралась прятаться или нападать на служанку. Она использовала самые простые человеческие инстинкты. Ей удалось выпросить лоскутки, и она набила ими перчатки, чтобы казалось, будто они надеты на руки. Затем распахнула створки окна и закрепила снаружи на подоконнике шляпку так, чтобы от двери была видна только верхняя часть с цветами. Вы понимаете, мистер Кэдиш?

– Признаться, пока нет...

– А если я скажу, что обе перчатки она приклеила к нижнему пруту решетки, слегка согнув набитые пальцы? Станет ли картина яснее?

Тимоти Кэдиш покачал головой.

– Боюсь, что я все равно не понимаю...

– Тогда представьте, что вы женщина средних лет, не слишком сообразительная и расторопная. Вы входите в комнату старой леди, не ожидая ничего плохого.

Тимоти Кэдиш взглянул на Милдред, слушавшую с открытым ртом, и кивнул.

– Как только вы вошли, непременно нужно запереть дверь на ключ. Это правило установлено именно для того, чтобы узница не сбежала, воспользовавшись замешательством своей тюремщицы. Но едва только вы входите в комнату, как в глаза бросается распахнутое окно, две перчатки, которые держатся за решетку, и между ними – верхушка шляпки с цветами. Какой будет ваша первая мысль, сэ.р?

– Боже милостивый! – воскликнул Тимоти Кэдиш, глядя перед собой. – Я подумаю, что за окном кто-то висит, вцепившись в решетку!

– Верно, сэ.р. Вы не подумаете о том, что пространство между прутьями слишком мало для того, чтобы между ними пролез человек. Милдред сделала то, что сделал бы почти любой в этой ситуации, – она бросилась к окну.

– Оставив незапертой дверь!

– Разумеется. За ней пряталась леди Кэдиш, которая бесшумно выскользнула и исчезла.

Наступившую тишину нарушил пронзительный вопль Юджинии:

– Милдред! Это правда?!

Служанка попятилась, отрицательно мотая головой.

– Конечно, правда, – пожала плечами миссис Норидж. – Увидев болтающиеся снаружи перчатки и шляпку, Милдред еще некоторое время стояла, не понимая, что ее провели. И только потом бросилась закрывать дверь. Если бы тогда подняли тревогу, то леди Кэдиш поймали бы. Но вы, Милдред, страшно перепугались и от испуга стали хуже соображать. Кроме того, для таких

людей, как вы, важнее выглядеть безупречно, чем выполнить поручение. Поэтому вы поспешно оторвали от решетки перчатки и шляпку и бросили вниз, надеясь, что никто не догадается, какую роль они сыграли. И лишь тогда начали кричать и звать на помощь. Когда мы заметили на траве вещи и отправили вас за ними, вы по дороге вынули из перчаток тряпки и бросили на землю, чтобы никто не догадался, как вас провели.

Миссис Норидж помолчала и добавила:

– Не странно ли, что женщина, которую вы считали глупой и потерявшей рассудок, перехитрила вас с легкостью...

На поиски были брошены все слуги. Но и час спустя их усилия не принесли результатов. Глории Кэдиш не было ни в саду, ни возле старого дуба, ни у прудов, где когда-то маленький Тимоти ловил рыбу.

Мистер Кэдиш, который за этот час, казалось, состарился на десяток лет, приказал проверить дно обоих водоемов.

– Если с ней что-то случилось, Юджиния... – бесцветным голосом начал он.

Тимоти не закончил фразы.

– Мы найдем ее, – сдерживая дрожь, пообещала Юджиния. – Мы сделаем все, чтобы...

– Здесь что-то есть! – донесся крик с одной из лодок.

Сын Глории Кэдиш сделал несколько шагов и остановился. Миссис Норидж видела, какого усилия ему стоило держать себя в руках.

– Сэр, я уверена, что это не леди Кэдиш, – тихо сказала она, поравнявшись с ним.

– Господи, я никогда не прощу себе, если...

Он стиснул зубы.

– Мистер Кэдиш, у леди Глории был план, и она следовала ему. Надо лишь понять, чего она хотела.

Слуги подцепили баграми то, что было на дне, и подняли на поверхность.

– Надеюсь, вы правы, – сказал Тимоти, овладев собой.

Они ускорили шаг и через минуту оказались на берегу. Отсюда было видно, как двое мужчин втащили в лодку какой-то пестрый тюк, с которого текла вода.

Несколько секунд прошли в гнетущей тишине.

– Это старое тряпье! – крикнул наконец один из багорщиков.

Раздались облегченные восклицания.

Тимоти Кэдиш разжал кулаки и сказал лишь:

– Ищите дальше!

...Миссис Норидж поднялась в свою комнату и взяла со стола письмо, которое не успела отправить Тимоти Кэдишу. Она порвала его и задумчиво смотрела, как разлетаются мелкие белые обрывки.

Глория Кэдиш... Неужели бедная старая леди и впрямь покоится на дне пруда, уйдя в воду, как когда-то чуть не шагнула в облака?

Эмма не хотела в это верить.

К тому же было что-то в ее беседах с леди Глорией, что постоянно напоминало о себе, словно далекий звон колокольчика. Но тщетно миссис Норидж прислушивалась к нему – воспоминание не поднималось на поверхность из омута памяти.

Эмма села за стол. Она думала о маленьком Тимоти Кэдише, и пальцы сами выложили на столе из обрывков письма какую-то фигуру. Жираф или зебра, или, может быть, лошадь...

– Лошадь? – сказала миссис Норидж.

И вскочила. Она вспомнила, о чем говорила ей Глория Кэдиш.

Гувернантка смахнула обрывки на пол и выбежала из комнаты.

Тимоти Кэдиш издали увидел высокую фигуру в черном, торопящуюся к нему, и сердце его забилось сильнее.

– Миссис Норидж! Что-то случилось?

– Лошади, мистер Кэдиш, лошади! – проговорила запыхавшаяся гувернантка.

– Что, простите?

– У вас в детстве были лошади?

– Конечно, – растерянно сказал Тимоти. – Конюшни и сейчас на месте. Я, правда, боялся лошадей. Как следует ездить я выучился только в юности.

Миссис Норидж покачала головой:

– Нет, это не то. Леди Глория утверждала, что вы любите кататься на пони. Не может быть, чтобы она ошибалась.

– Пони? Но у нас вовсе не было пони.

– Вспоминайте, мистер Кэдиш! – твердо сказала гувернантка. – У вас был пони. Если ваша мать помнила о нем, то и вы должны.

Тимоти хотел было возмутиться ее неподобающе резким тоном. И вдруг поменялся в лице:

– Пони! Бог мой, да!

– Что это? Игрушка?

– Нет-нет, это качели! Мать заказала мне их в подарок на день рождения. Спинка у них сделана в виде лошадиной морды. Когда мама раскачивала меня, мы называли это «скакать на пони».

– Где они? – быстро спросила миссис Норидж. – Где они сейчас?

Тимоти Кэдиш даже зажмурился от напряжения, пытаясь вспомнить.

– Их несколько раз переносили с места на место... Кажется, последний раз я видел их за конюшнями. Там небольшое поле люцерны, и...

Тимоти не успел договорить, а миссис Норидж уже быстро шла по направлению к дому.

Он догнал ее. Они молча прошли двор, миновали конюшни и, обогнув дальнюю постройку, внезапно оказались на поле, сплошь усыпанном мелкими желтыми цветами.

На самом краю поля стояли старые разохшиеся качели. А на качелях сидела женщина со снежно-белыми волосами, маленькая, как воробушек.

Заметив их, она просияла и поднялась.

Тимоти Кэдиш ничего не сказал. Он лишь издал невнятный всхлип и пошел к ней по полю люцерны, сначала медленно, а потом быстрее и быстрее.

А вот миссис Кэдиш кое-что сказала. И после миссис Норидж думала, что удивительным образом слова старой леди оказались чистой правдой.

– Тимоти, мальчик мой! – с тихой улыбкой сказала она, протягивая к нему руки. – Я всегда знала, что встречу тебя здесь.